

53 года её единственной пищей была Евхаристия

Categories : [Стоит прочесть](#), [Полезное](#)

Date : 02/10/2017

"Во мне нет ни достоинств, ни сил, ни отваги. Я вся - несовершенство и слабость. Моя опора, путь, жизнь, утешение и надежда - это Иисус. Я очень остро чувствую боль, особенно в голове, в желудке и в руках. Без Иисуса это было бы невозможно вытерпеть. Вместе с Ним я говорю: да будет воля Твоя, благодарю Тебя, и в тот же миг все для меня становится сладостным и благим..."

Францисканская терциарка, она была простой деревенской девушкой, которую парализовало в возрасте 26 лет. На протяжении 53 лет в каждый четверг она входила в экстатическое состояние - "агонию сердца и души", переживая страдания Христа. Кроме того она обрела и стигмы, которые также уподобили ее страдающему Христу. Сама Марта описывала происходившее с ней так: "Я падаю под этой тяжестью. Терновник жжет мне голову, и такое пламя опалает мне сердце, ладони, ноги... Понемногу прихожу в себя и уже днем могу разговаривать"...

Единственной "пищей" Марты было Святое Причастие. На протяжении 53 лет она не пила, не ела и не спала, живя лишь Евхаристией. Марта Робен была "воплощенным страданием". В своей жертвенной молитве она написала так: "Мой Боже, ты знаешь мою хрупкость и бездонную нищету мою... Если я однажды изменю Твоей всесвятой воле о мне, если устражусь страдания и Креста, сойду со сладчайшего пути Твоего, скроюсь из Твоих нежных объятий... Молю Тебя: содейлай, дабы в тот же миг я умерла".

Огромным ее желанием было остаться в укрытии, и об этом она усиленно молила Господа Иисуса. С 1929 по 1932 год она регулярно диктовала свои «духовные записи», являющиеся чем-то вроде дневника. В это же время она громко молилась во время агонии. Позже все поглотила тишина. С того первого периода нам осталось

волнующее свидетельство ее смирения. Марта принимала св. Причастие только раз в неделю, по четвергам, в другие же дни она по нескольку раз в день принимала духовное Причастие. Таинственное Причастие давало ей огромную силу, необходимую для того, чтобы вынести страдания агонии и Страстей.

Марта поступала так, как советовала св. Тереза Авильская: как можно дольше сопротивляться экстазу. Но мы знаем, что позже, каждый четверг, после принятия св. Причастия, ее охватывал экстаз и она возвращалась на землю лишь спустя несколько часов – укрепленная, чтобы под вечер вступить в агонию. Читая описания ее страшных, непрекращающихся страданий, мы испытываем потрясение. Нас поражает не необходимость такой жертвы, а то, что Бог принял ее, а еще больше – сверхприродная радость в сердце Марты, которая сильнее страдания.

Марта не выходит из своей комнаты, она даже не может встать с кровати. Она лишена привилегии многих умирающих монахинь созерцательных орденов: в их кельях оставляли Евхаристию. Марта принимает духовное Причастие, чтобы не беспокоить священника, которому пришлось бы идти к ней из церкви через всю Долину. Но Марта не оставляет адорацию ни днем, ни ночью, она ни на миг не спускает глаз с Хостии. Именно Евхаристический Иисус для нее дороже всех.

Совершенное смирение Марты, ее жизнь в неустанном самопожертвовании, открывается нам как вершина христианского опыта. Марта осмеливается сказать: *"Моя жизнь – это «месса», а моя душа – хостия"*. Эти слова кажутся нам весьма смелыми, но если мы посмотрим на ее жизнь, они перестанут казаться нам преувеличением. Еще больше нас поражает формулировка, которую Марта часто повторяла: *"Каждая христианская жизнь – это «месса», а каждая душа в этом мире – «хостия»"*.

Страдание было для Марты школой истинной любви и становления человеческого характера: *"Я знаю, сколь сладостно любить, даже в страдании. Я даже сказала бы – особенно в страдании, ибо страдание – величайшая школа истинной любви... Это живой язык любви, великий наставник рода людского. Будем же учиться любить, любить по-настоящему, лишь в страдании и через страдание, ибо страдание укрепляется не удовольствиями нынешней жизни, а уничижением и самозабвением, на Кресте"* (17.03.1927).

Любовь наделяет смыслом все, дает возможность все выдержать и стерпеть. Трагедия же человека не в том, что он страдает, а в том, что его страдание бывает потраченным впустую, ненужным, отвергнутым: если нет любви как величайшего смысла страдания, выдержать его становится невозможно.